

Она воскликнула:

— Я была неправа, я действительно знаю, что была неправа, я больше не буду так поступать, прости меня на этот раз, я обязательно буду хорошо к нему относиться. Пожалуйста, не разводишься со мной. Подумай об А-Жуе, подумай об А-Яне и Ли-эр, они еще маленькие, они не могут остаться без матери. Я была неправа, правда, умоляю тебя, я обещаю слушаться тебя в будущем, пожалуйста, не разводишься со мной.

Лицо Лю Сянсян было залито слезами, она горько плакала, но никто в комнате не сочувствовал ей. Что посеешь, то и пожнешь.

Тан Эрху понимал, что согласие его матери на развод с женой было лишь для виду. Он также понимал, что пока она не сделает что-то по-настоящему вредное для семьи, он не сможет заставить себя развестись с ней.

Увидев, что он молчит, Лю Сянсян просияла и продолжила умолять.

Она снова и снова повторяла, что ей жаль, что она больше не будет так поступать и что в будущем она будет прислушиваться ко всему, что он скажет.

— Хватит, перестань плакать, — сказала старушка с пренебрежительным выражением лица. — У меня от тебя голова болит.

Лю Сянсян шмыгнула носом, вытерла слезы и сопли с лица и крепко вцепилась в штанину Тан Эрху.

— Мама, я правда знаю, что была неправа. В будущем я обязательно буду прислушиваться к Эрху. Я больше не буду жадной.

— Ты действительно сможешь делать то, о чем говоришь?

Ву Гуйчжи посмотрела на нее.

— Ты будешь слушать все, что говорит Эрху?

Лю Сянсян несколько раз кивнула, с готовностью пообещав:

— Мама, поверьте мне, я действительно буду его слушать.

Ву Гуйчжи повернулась к мужу и спросила:

— Что ты думаешь?

Тан Гуанлянь взглянул на свою жену, затем на второго сына и спросил его:

— Эрху, раз уж ты живешь с ней, почему бы не простить ее один раз?

Тан Эрху опустил голову и посмотрел на Лю Сянсян, думая о том, какой она была безумной, когда увлекалась, и это его утомляло. Но, с другой стороны, она была добра к нему, и этот инцидент задел его за живое, вызвав гнев.

— Ладно, на этот раз я тебя прощу. Но если ты снова вздумаешь что-то замышлять, я точно заставлю главу семьи засвидетельствовать наш развод!

Лю Сянсян поспешно ответила ему:

— Хорошо, хорошо, я больше не буду. Можешь не волноваться. Я извинюсь перед Суй-гером, когда вернусь, и в будущем буду хорошо с ним обращаться.

Тан Эрху холодно фыркнул.

— Лучше бы тебе запомнить свои слова.

Ву Гуйчжи устало махнула рукой.

— Ладно, ладно, все уходите. Не оставайтесь здесь и не беспокойте нас.

Тан Эрху поднял Лю Сянсян и сказал:

— Мама, старший брат, старшая невестка, простите за беспокойство. С этого момента я буду лучше за ней присматривать.

Тан Даху махнул рукой, чувствуя себя уставшим из-за брата.

— Иди, иди, возвращайся и пораньше ложись спать.

С другой стороны, Ло Пинпин заметила:

— Когда я пришла раньше, Суй-гер еще не спал. У него были красные глаза, должно быть, он испугался.

Тан Эрху вытер лицо.

— Я понимаю, невестка. Сначала мы вернемся домой.

Он взглянул на третьего брата и его жену, ничего не сказал и ушел вместе с Лю Сянсян.

Тан Санху прищелкнул языком, находя всю эту сцену довольно забавной. Ли Сюй толкнула его.

— Пойдем, пойдем.

— Куда ты идешь? Я тебе еще ничего не сказала! — Ву Гуйчжи не хотела отпускать ни одну из своих невесток просто так. Ей нужно было воспользоваться этой возможностью, чтобы как следует их проучить, чтобы они не вели себя безрассудно только потому, что их мужья их любят.

Поддерживая живот одной рукой, а другой взявшись за руки с Тан Санху, Ли Сюй ущипнула его.

Тан Санху ухмыльнулся и шутливым тоном сказал матери:

— Мама, Сюйсюй беременна и устала. Уже поздно. Я сначала отведу ее домой.

Ву Гуйчжи переключила внимание на третьего сына и отругала его:

— Боишься устать, а сам проделал весь этот путь только для того, чтобы посмотреть на суматоху. Это действительно тяжелая работа, и все потому, что я баловала тебя изо дня в день! Если у тебя есть силы, ты должен честно оставаться дома и не шататься на улице!

Тан Санху притворился, что ничего не понимает, усмехнулся и поспешно ушел вместе с Ли Сюй.

Ло Пинпин искренне восхищалась своей свекровью. Она одинаково относилась ко всем своим сыновьям и не выделяла никого из своих невесток.

Когда Тан Эрху и Лю Сянсян вернулись домой, в главном доме горели масляные лампы. Услышав звук открывающихся ворот, Тан Сюй вышел из дома и сказал им:

— Мама и папа вернулись. Я нагрел немного воды. Идите умойтесь перед сном.

Тан Эрху подтолкнул Лю Сянсян вперед.

— Скажи что-нибудь!

Подавив в себе недовольство Тан Сюем, Лю Сянсян ухмыльнулась. Если бы у нее были острые зубы, выражение ее лица было бы таким, будто она собиралась кого-то укусить.

Тан Сюй посмотрел на Лю Сянсян и тихо спросил:

— Мам, ты хочешь со мной о чем-то поговорить?

Лю Сянсян стиснула зубы, ее лицо было суровым, когда она отвернулась от Тан Эрху. Однако ей нужно было сделать заявление.

— Сюй-гер, мама была неправа. Мама была ослеплена жадностью и поверила в чушь, которую несла та старуха, Ву. Пожалуйста, прости маму.

Тан Сюй кивнул в знак согласия, не став спорить с этой чепухой, слегка улыбнулся и беззаботно сказал:

— Ты моя мама, я твой ребенок. Как ребенок может злиться на свою маму? Мама, в этом нет необходимости. Я знаю, что ты просто беспокоилась обо мне, так что я не держу обиду.

Лю Сянсян чуть не подавилась от злости, но ей пришлось сдержаться и согласиться:

— Да, да, все в порядке, если ты не против.

Тан Сюй повернулся, чтобы пойти на кухню за водой, и отнес таз в главный дом.

В ту ночь они все проспали допоздна. Когда Тан Эрху и Лю Сянсян проснулись, завтрак уже был готов на кухне, а Тан Сюй отсутствовал. Тан Ли зачерпывала кашу из котелка.

— Старший брат ушел в горы и сказал, что не вернется к обеду. Папа, мне накрыть на стол? — Тан Ян побежал в главный дом и спросил. Тан Эрху надевал ботинки и в ответ только хмыкнул.

Тан Ян побежал на кухню за едой.

Тем временем Тан Сюй на рассвете отправился в путь со своей корзинкой, в которой был кувшин с измельченным мясом, пара носков из конопляной нити и завтрак – булочки, приготовленные на пару и начиненные сушеным редисом и маринованными овощами.

Чувствуя себя хорошо, он шел легкой походкой, на ходу перекусывая. Когда он добрался до бамбукового леса, то съел булочку.

Он думал, что пришел рано, но, к его удивлению, Вэй Дун уже был там.

— Ты ведь не пришел сюда до рассвета, да? — Тан Сюй подошел на несколько шагов ближе, взглянул на три срезанных бамбуковых ствола на земле и протянул булочку из своей корзины. — Позавтракай.

Вэй Дун вытер руки об одежду, взял булочку, почувствовал ее мягкую текстуру, сжав в руке, и заметил внутри маринованные овощи. Он откусил большой кусок и спросил:

— Ты ее приготовил?

— Да, я приготовил ее рано утром. Что не так? — Тан Сюй сделал несколько глотков воды из своей фляги, недоумевая, почему он спрашивает: — Не вкусно?

— Вкусно, — сказал Вэй Дун, надув щеки и откусив три больших куска от булочки, приготовленной на пару. — Она мягче, чем те, что я покупаю на улице. Мои всегда жесткие.

Тан Сюй усмехнулся.

— Жесткие? Либо тесто не поднялось, либо ты слишком сильно его вымесил.

Вэй Дун кивнул, словно извлекая урок.

— В следующий раз я постараюсь не месить тесто слишком сильно.

— Если не месить, тоже не получится. Нужно месить аккуратно, — сказал Тан Сюй, а затем, почувствовав неладное, спросил: — Ты ведь не всегда готовишь булочки на пару, да?

— Э-э... Иногда.

— Ну, тогда все в порядке. Несколько раз жестко, несколько раз мягко, — успокоился Тан Сюй.

— Нет, они часто бывают твердыми, а иногда мягкими, но никогда не бывает такими мягкими, как твои, — безэмоционально сказал Вэй Дун, серьезно глядя на него. Тан Сюй быстро заморгал. Что это должно было значить? Почему он вдруг почувствовал себя так, будто его атакуют?

Что он имел в виду, говоря «мягкими»?

Где он был мягким?

Он на что-то намекал?

Покачивая головой, Тан Сюй отбросил эту мысль. Перестань так много думать!

Он откашлялся, поднимая свою корзину.

— Пойдем к тебе домой.

Вэй Дун сделал паузу, взглянув в его корзину, в которой лежал кувшин и кусок ткани странной формы.

— Сейчас?

Он думал, что Тан Сюй сначала выкопает несколько побегов бамбука.

Тан Сюй широко улыбнулся ему, его губы были красными, а зубы сверкнули белизной.

— Конечно, я планировал встретиться с тобой и сразу пойти к тебе. Мы не будем сейчас выкапывать побеги бамбука, мы еще не доели те, что были дома.

Вэй Дун кивнул и взвалил связку бамбука на плечо.

— Тогда пошли.

Спускаясь с горы, Тан Сюй по пути сорвал несколько диких овощей и положил их в свою корзину, подумав, что позже сможет использовать их для обеда в доме Вэй Дуна.

Им не потребовалось много времени, чтобы добраться до дома Вэй Дуна с горы. Двор был огорожен высокой стеной, окружавшей большую территорию.

Тан Сюй заметил на склоне дом из синего кирпича и больших черепиц и задумался, какая богатая семья в деревне могла позволить себе такую роскошную резиденцию.

Однако, когда он последовал за Вэй Дуном к входной двери и увидел, как тот ее открывает, Тан Сюй был поражен.

— Это твой дом?

Вэй Дун бросил бамбук во двор и обернулся, чтобы увидеть, что Тан Сюй все еще стоит у ворот. Он кивнул.

— Да, проходи.

Сердце Тан Сюя забилося быстрее. О боже, разве это не дом его мечты?

Двор был большим и просторным, разделенным на две половины каменными плитами. С одной стороны располагался большой огород с редкими и плохо растущими овощами, с неровными рядами, которые портили вид.

Дом состоял из главного здания и комнат в восточном и западном крыле. Главное здание было большим, и там даже было подсобное помещение. Можно сказать, что это был большой двор.

Трудно было представить, что в таком большом доме жили только Вэй Дун и его брат.

Войдя вслед за Вэй Дуном в дом, Тан Сюй почувствовал себя тронутым, ступив на каменную дорожку. Это было по-настоящему «по-земному».

Одному Богу известно, как долго он терпел, не жалуясь на грунтовые дороги как внутри дома, так и снаружи. Особенно в дождливые дни идти по грязной тропинке было настоящим испытанием!

— Мы с Вэй Си живем вместе. Наши родители умерли, — объяснил Вэй Дун, заметив любопытные взгляды Тан Сюя.

Тан Сюй кивнул и не стал притворяться невинным и наивным. Он сказал прямо:

— Я знаю. Вчера я сказал отцу, что иду к тебе домой, и он кое-что рассказал мне.

Вэй Дун остановился и повернулся, чтобы посмотреть на Тан Сюя.

— Твой отец знает, что ты пришел ко мне домой?

Тан Сюй тоже остановился, расстояние между ними составляло всего полметра. Он посмотрел на красивое лицо Вэй Дуна и почувствовал, как участилось его сердцебиение.

— Да, я не могу просто так прийти к тебе, не предупредив свою семью. Я не такой человек!

Выражение лица Вэй Дуна, казалось, дрогнуло.

— Ты прав.

Тан Сюй улыбнулся и сменил тему.

— А что насчет твоего брата? Я принес ему подарок.

Вэй Дун почувствовал, что сегодня он рассеяннее, чем обычно.

— Он должен быть внутри и все еще спать.

В этот час большинство детей в других семьях уже встали бы и помогали по дому. По какой-то причине Вэй Дун почувствовал необходимость объяснить:

— Он плохо себя чувствует, поэтому обычно спит дольше.

— Детям нужно много спать и есть, чтобы расти, — сказал Тан Сюй, поставив корзину на пол и вытащив пару носков из конопляной нити. — Вот, это тебе.

Вэй Дун удивился. Он посмотрел на Тан Сюя, а затем на ткань в своей руке.

— Для меня? Почему?

— Невежливо приходить с пустыми руками, а ты сказал, что хочешь подарить мне рыбу. Кроме того, это не сложно, — улыбка Тан Сюя померкла, и он сунул носки прямо в руки Вэй Дуна. — Это носки, которые я связал сам, чтобы ты их носил. Примерь их, и, если они не подойдут, я могу их подогнать.

Вэй Дун никогда не чувствовал себя таким неловким и в то же время приятно удивленным.

Он держал в руках легкие носки и смотрел на Тан Сюя с искренним выражением лица.

Тан Сюй почувствовал себя немного неловко под взглядом Вэй Дуна, почесал горящие уши и перевел взгляд на группу щебечущих птенцов вдалеке.

— Брат! — голос Вэй Си звучал как музыка, возвращая Вэй Дуна в реальность и успокаивая Тан Сюя, который в смущении поджимал пальцы на ногах. Когда Вэй Си увидел Тан Сюя, его глаза медленно расширились. — Ах! Ты, ты, ты, ты!

Тан Сюй был озадачен его повторяющимся «ты», но улыбнулся и спросил:

— Кто я?

— Невестка! — быстро ответил Вэй Си.

Лицо Тан Сюя мгновенно покраснело.

Он в панике повернул голову и посмотрел на Вэй Дуна, который тоже стоял в оцепенении, не шевелясь. Хотя его лицо не покраснело, шея и уши были красными.

О, он не единственный, кто чувствует себя неловко. Чего тут стесняться?

Быстро взяв себя в руки, Тан Сюй улыбнулся и достал маленькую баночку, осторожно подойдя к Вэй Си.

— Приятно познакомиться. Это тебе подарок, домашнее рубленое мясо. Можешь есть его с кашей, лапшой или паровыми булочками. Оно вкусное. Надеюсь, тебе понравится.

Когда ранее Вэй Си выпалил «невестка», он испугался сам, опасаясь реакции своего брата. Теперь, когда Тан Сюй был так добр к нему и получал собственноручно приготовленную еду, Вэй Си нервничал, был взволнован и ошеломлен.

Он быстро потянулся за нему.

— Спасибо, мне очень нравится!

Кувшин был тяжелым, и ему было немного трудно его держать, но он не хотел отпускать.

Вэй Дун подошел и забрал у него кувшин, сурово взглянув на него.

— Не говори глупостей и не создавай проблем.

— Брат, я Вэй Си, — послушно сказал Вэй Си Тан Сюю, тепло улыбаясь.

Этот ребенок выглядел совсем неважно: худой и бледный, с едва заметной плотью на костях. Более того, от него исходил сильный запах китайской медицины. Должно быть, он принимал много лекарств, чтобы пропитаться этим запахом.

Тан Сюй почувствовал укол в сердце, увидев Вэй Си, которому в таком юном возрасте приходилось постоянно принимать лекарства. Сам того не осознавая, он протянул руку и нежно погладил Вэй Си по сухим волосам.

— Привет, я Тан Сюй. Можно я буду называть тебя Сяо Си?

Вэй Си энергично закивал.

— Конечно, можешь, брат Сюй, — он запрокинул голову, и его глаза, особенно большие на худом лице, ярко заблестели. — Брат Сюй, ты выглядишь очень красиво!

Тан Сюй усмехнулся и повернулся к Вэй Дуну, похвалив его:

— Твой брат довольно красноречив.

Вэй Дун согласно хмыкнул, подумав, что его брат действительно довольно красноречив. Вэй Си хотел сказать еще что-то, но внезапно почувствовал, что у него пересохло в горле, и закашлялся. Он запаниковал, отвернулся в сторону и прикрыл рот, пытаясь подавить кашель. Он не мог позволить себе произвести плохое впечатление на брата Сюя!

Тан Сюй был удивлен его умелой техникой прикрывания рта и на мгновение замер, осознав, что Вэй Си, должно быть, часто ругали, раз он так сильно реагирует на простой кашель. Он быстро подошел и схватил Вэй Си за руку.

— Не прикрывай рот. Просто кашляй медленно. Если прикрыть рот, будет труднее дышать.

Он присел на корточки и осторожно похлопал ребенка по спине, отчетливо ощущая под рукой форму каждой кости. Тан Сюй был потрясен: от ребенка остались кожа да кости, на теле почти не было плоти.

Он облизнул губы и мягко успокоил его:

— Не бойся. Я не буду над тобой смеяться.

Глаза Вэй Си тут же наполнились слезами.

Сколько Вэй Си себя помнил, он постоянно слышал обидные слова. Куда бы он ни пошел, везде его встречали с презрением и отвращением. Кроме старшего брата, никто никогда не проявлял к нему доброты.

Впервые кто-то так нежно его утешал. Вэй Си сильно прикусил губу, с трудом сдерживая слезы.

Он не мог плакать!

Вэй Дун смотрел на них двоих, чувствуя неопределимую горечь в сердце.

— Вэй Си, иди в дом и не простудись.

Вэй Си с неохотой посмотрел на Тан Сюя, желая что-то сказать, но опасаясь очередного приступа кашля.

Тан Сюй продолжал нежно поглаживать его по груди и улыбался.

— Я не уйду. В полдень я приготовлю для тебя что-нибудь вкусное. Иди в дом, надень еще что-нибудь, слушай своего брата.

Глаза Вэй Си тут же загорелись, и он быстро кивнул, прежде чем поспешить обратно в дом.

Он был так счастлив!

Если бы брат Сюй мог стать мужем его брата, он был бы невероятно счастлив!

Тан Сюй подождал, пока ребенок войдет в дом, прежде чем встать и улыбнуться Вэй Дуну.

— Твой брат очень послушный. Мне нравятся воспитанные дети, которые слушаются.

Вэй Дун: «...»

Его охватило чувство, называемое ревностью.

<http://bllate.org/book/14316/1267375>